

ОТ РЕДАКЦИИ

Субъективность памяти, опыту которой мы доверяем и которым постоянно пользуемся, служит примером того, как по-разному могут восприниматься и оцениваться одни и те же события в прошлом не только разными людьми, но даже одним и тем же человеком в разные периоды времени. В 1980-е годы память оказалась в центре внимания различных социальных и гуманитарных дисциплин, дав начало так называемому «мемориальному буму», породившему разнообразные способы и формы обращения с памятью. Если обобщить многообразие представлений о памяти в гуманитарных исследованиях, то ее можно охарактеризовать как способ конструирования людьми своего прошлого. При этом сама память может изучаться и как память-свидетельство людей, переживших некий опыт, и как образ репрезентации прошлого, его конструирование через медиа памяти — книги, фильмы, монументы и прочее (Сафронова, 2019).

При обращении к образу памяти в рамках разных культурных традиций важно учитывать, при помощи каких механизмов прошлый культурный и исторический опыт оказывает влияние на понимание памяти и ее образов. В частности, когда мы говорим о памяти и конструировании истории в мусульманских обществах, следует учитывать существовавшую прежде традицию историописания, в которой живет память и под влиянием которой она формируется/трансформируется. Ислам и мусульманские сообщества многообразны, имеется множество форм интерпретации знания о прошлом. Вместе с тем сформировались общие дискурсивные конструкции и понятийный аппарат, в границах которых мыслится данное многообразие и полицентризм, обеспечивается соотнесение акторов с исламом. По Т. Асаду, разнообразные нарративы работают с одной и той же дискурсивной традицией, однако несомненно и то, что значимость этой традиции, как и границы дискурса, сильно отличается от культуры к культуре (Asad, 2017).

Этот номер объединил исследователей ислама и мусульманских обществ в их размышлениях о памяти и традиции описания и интерпретации истории. К наиболее раннему сюжету обращается в своей статье Максим Алонцев, анализирующий пример конструирования суфийской истории в сочинениях X–XIII веков. Автор показывает, что легитимация суфийского движения осуществлялась, с одной стороны, через создание благочестивой истории суфизма, возводящего корни учения к временам пророка Мухаммада, с другой — через описание суфизма как авторитетной «науки», использующей методы и приемы других мусульманских наук. В биографических и агиографических сочинениях этого периода впервые конструируется история суфийского движения, в которую ретроспективно включаются приверженцы аскетических практик первых веков ислама, а также представители локальных мистико-аскетических движений, с которыми суфизм столкнулся при распространении своего влияния за пределы Багдада.

Другой пример обращения к «золотому веку» ислама при конструировании собственной истории рассматривает Диляра Усманова, проследившая процесс зарождения, развития и трансформации «булгарской идеи» у ваисовцев с начала 1870-х до начала 1920-х годов. Как отмечает автор, идея булгарской принадлежности ваисовцев складывалась как форма обращения к тому прошлому, когда булгары считались истинными мусульманами, принявшими веру непосредственно от сподвижников

пророка Мухаммеда (сахаба), заключивших пакт с самим Аллахом. К концу имперского строя болгарская идея все более увязывалась с формирующейся у татар национальной идентичностью и стремлением к обретению территориальной автономии. Не исключено, что данная трансформация отражала возросший на рубеже XIX–XX веков интерес к этнической истории, историческим корням и проблеме национальной самоидентификации.

В продолжение темы о трансформации исторической памяти и формировании национальной истории Диляра Брилева на примере материалов журнала «Шура» (1908–1917) анализирует формирование образа и представлений о национальной истории татар-мусульман. В данном случае сама идея о необходимости национальной истории, по мнению автора, развивалась в контексте общего реформаторского дискурса. Дискуссии об истории тюрко-татар строились вокруг понятий «своя история» (тарихымыз) и «национальная история» (тарих-е милли и милли тарих). Представления о «своей истории» в журнале «Шура» формировались через построение «славной истории» тюрков и создание образа цивилизованной (мәдәни) нации. Данный ракурс, как считает Брилева, позволяет судить о том, как авторы публикаций относились к категории «наши предки» и какие черты им приписывали.

Важным направлением в изучении памяти служат исследования, посвященные трансформации образа героя или знаковой фигуры в социально-политическом контексте. К данному подходу в своей статье обращается Руслан Мамедов, проанализировав конструирование коллективной памяти в образе генерал-майора российской императорской армии, впоследствии бригадного генерала Османской армии, Мусы Кундухова (1818–1889). Рассматривая Кундухова в качестве фигуры памяти, автор показывает, как на протяжении более чем ста лет ряд авторов использовали его образ для конструирования коллективных идентичностей, для формирования памяти о событиях и травмах. В статье анализируется, как фигура Кундухова трансформировалась в различных нарративах в зависимости от их включенности в актуальные дискуссии, то «возрождаясь», то предаваясь «забвению».

Наряду с изучением памяти на основании письменных источников, еще одним направлением исследований служит изучение памяти через визуальные источники — фотографии, телевизионные передачи, кинофильмы, плакаты и другие. Даниил Мелентьев в своей статье, хотя и не обращается напрямую к проблеме памяти, однако затрагивает вопросы, обсуждаемые в рамках данного номера и связанные с конструированием образа и трансформацией идентичности. Через визуальную агитацию Мелентьев исследует принципы функционирования плакатов в культурно-неоднородном обществе. Плакаты рассматриваются как инструмент модернизации жизненного пространства горожанок, кочевниц и селянок. При этом сама агитация становится важным компонентом эмансипации в продвижении ценностей советских феминисток в первой половине 1920-х годов. По мнению автора, агитационные плакаты подталкивали женщин к разрыву с религиозной идентификацией и прививали европеизированные нормы жизни в светском обществе, выстраиваемые советской властью с опорой на феминистический дискурс.

В продолжение изучения языка визуальности мусульман и его роли в трансформации памяти и исторического нарратива Марат Сафаров на примере телесериала «Зулейха открывает глаза», вышедшего весной 2020 года и снятого по роману Гузель Яхиной,

рассматривает, как зрительские споры о сериале становились «боями за историю». В разгоревшихся вокруг романа и сериала дискуссиях, как считает автор, отразилось идеализированное представление о прошлом, моделью которого продолжает оставаться татарская деревня. На основании анализа публикаций о сериале в СМИ и соцсетях автор анализирует механизмы избирательной памяти, когда в качестве аргументов оппоненты используют одни литературные источники или семейные нарративы и отвергают другие — противоречащие их картине мира.

По традиции, материалы номера не исчерпываются его главной темой. Мы продолжаем публиковать интересные исследования наших коллег, в целом отвечающие тому широкому кругу проблем, на которых специализируется наш журнал.

Так, раздел *Varia* представлен статьями Мустафы Туны и Дениса Брилева. Туна в своей статье останавливается на роли исламских ученых Волго-Уральского региона в Российской империи. Автор показывает, что в условиях отсутствия политически активной элиты с XVI века исламские ученые стали социальным слоем, скрепляющим мусульманское сообщество региона. В поисках знаний они много путешествовали, одновременно устанавливая прочные связи с другими искателями знания. По завершении образования ученые расселялись по разным деревням, контакты поддерживались благодаря родственным узам, переписке, суфийским сетям и богословским дискуссиям. Подобная объединяющая роль ученых в поддержании взаимосвязей мусульман Поволжья и Приуралья сохранялась в советский период, вплоть до начала гонений в 1930-е годы. Статья Брилева посвящена роли Одессы как ключевого транспортного узла в паломническом маршруте российских мусульман. Сложившаяся в XIX — начале XX вв. инфраструктура хадж-индустрии оказывала определенное влияние на формирование одесской мусульманской общины, впоследствии она благоприятно влияла на политику советской власти по отношению к советским паломникам.

В номере также представлены рецензии на несколько новых работ из области истории ислама в России и на евразийском пространстве.

REFERENCES

Сафронова, Ю.А. (2019). Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Asad, T. (2017). The Idea of an Anthropology of Islam. *Islamology*, 7(1), 41–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islm1g.07.1.02>.